

от 21 ЯНВ 41

Москва

Газета №

Черты героического образа

В ряду героических образов истории человечества, образов великих людей, символизировавших надежды и стремления целых поколений, образ Ленина выделяется чертами исключительными. Впервые в истории революций явился вождь, сочетавший пафос предвидения с повседневной, упорной будничной работой, человек, головокружающая смелость замыслов которого была основана на строго продуманной научной теории. Именно потому ленинский образ является подлинно народным в сознании широчайших масс не только нашей родины, но и всего мира. Быть таким, как Ленин, этот мотив звучит в многонациональном народном творчестве, в стихах и сказаниях. В речи перед своими избирателями 11 декабря 1937 года товарищ Сталин с гениальной четкостью сформулировал ленинские качества, которыми должны обладать избранные народом, — ясность и определенность, бесстрашие в бою и беспощадность к врагам народа, правдивость и честность, любовь к народу. В этой характеристике образ Ленина вырисовывается, как совершенный образ нового человека социалистической эпохи, как концентрированное выражение лучших свойств положительного героя нашего времени, изображение которого А. М. Горький считал важнейшей задачей советской литературы и советского искусства.

Неизмеримо велико воспитательное значение ленинского образа, как высшего примера подлинного благородства и кристальной чистоты. В нашем искусстве, несмотря на большие успехи (к которым следует отнести прежде всего поэму Маяковского о Ленине, а также фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»), еще не воссоздан образ Ленина во всем его многообразии: задача эта будет осуществлена, конечно, не одним, а многими поколениями писателей и художников.

Воспитательное значение ленинского образа основано на органическом единстве народного трибуна, вождя народных масс и человека, стиль которого одинаков и в его руководстве партией и государством, и в жизни. Этот стиль товарищ Сталин охарактеризовал как сочетание двух особенностей: русского революционного размаха и американской деловитости. Именно сочетанием этих качеств объясняется, что в 90-е годы, решая важнейшие вопросы руководства рабочим движением, вопросы тактики, Ленин занимается деталями организации техники нелегальной печати, вплоть до забот о типографской краске и составе клеястера, необходимого для надобностей конспиративной переписки (письмо П. Б. Аксельроду в середине ноября 1895 г., т. XXVIII, стр. 10). Этот же стиль нашел отражение и в многосторонней деятельности Владимира Ильича после Октября. Организатор и руководитель первого в мире пролетарского государства и вождь мирового коммунистического движения, он находит время для того, чтобы позаботиться о создании словаря русского литературного языка, чтобы дать указания об оздоровлении жилищ и о чистке улиц Москвы, о снабжении сельских лавок керосином и мануфактурой. Он запрашивает хозяйственных руководителей о цене на чай, возмущается тем, что при вызове докладчиков в Совнарком они ждут часами, требует отчетов о том, как наркоматы занимаются улучшением положения масс, повышением заработной платы, привлечением рабочих к управлению государством. В сознании Ленина все, что касалось положения народа, все, что затрагивало народные интересы, имело первостепенное значение. Ленинская настойчивость вдохновлялась подлинно революционным размахом, которым характеризовались все деяния Ленина.

Революционная целеустремленность являлась основным содержанием жизни и деятельности Ленина. В речи на вечеру кремлевских курсантов 28 января 1924 года Сталин вспомнил следующий характерный эпизод: «Помните, как во время одной беседы в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в

истории является порядок революции». Стремление к активному революционному изменению действительности пронизывало всю жизнь и деятельность Ленина. Ему были органически близки образы фольклора и революционной литературы, в которых воплощались творческие революционные порывы масс. Он любил горьковские «Песню о соколе» и «Песню о буревестнике». Пролетарскую революцию он в одной из статей охарактеризовал: «Бури, это — движение самих масс» (том XV, стр. 468), а статью, озаглавленную «Перед бурей» (том XI), окончил горьковским призывом: «Пусть сильнее грянет буря!» С исключительной остротой и силой воспринимал Ленин полный драматизма, насыщенный героическим пафосом язык бетховенской музыки. Ничто не было ему так чуждо, как мешанина успокоительной, обывательской приверженности к установленному порядку вещей, обывательское стремление к компромиссам во имя сохранения спокойствия. После острейшей борьбы на II Съезде партии, когда произошло размежевание между большевиками и меньшевиками, Ленин радовался тому, что «котенки обрисовались... Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это жизнь. Это не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопроения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...» (том VI, стр. 274). А еще ранее, в 1900 году, возражая некоторым социал-демократам, боявшимся партийной борьбы против «экономистов», Ленин писал: «Чтобы избавиться от этой томительной духоты, можно (и должно) приветствовать даже бешеную грозу, а не только полемику в литературе. И нечего так особенно бояться борьбы: борьба вызовом, может быть, раздражением нескольких лиц, но за то она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, — определит, какие разногласия существуют и какие второстепенны, определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где сотоварищи по партии, расходящиеся в частности» (т. XXVIII, стр. 64—65).

Оптимизм Ленина и его жизнелюбность были выражением его умения видеть будущее сквозь любые трудности. В письмах Ленина, написанных в самые тяжелые годы его жизни, никогда нельзя найти никакого намека на уныние. Он умел не придавать значения лишениям, которым подвергался на протяжении многих лет своего пути революционера. В сибирской ссылке он жил на одно свое казенное пособие — 8 руб. в месяц, и при этом не только стойчески переносил нужду, но и помогал своим товарищам. Ленину был глубоко чужд культ страдания, которым было пронизано творчество Достоевского и которое было так популярно в русской буржуазной литературе конца XIX и начала XX века. С чисто народным лукавством и иронией он описывал в своих письмах из ссылки условия своей жизни. В письме к матери из села Шушенского он уверял, что живет недурно (стр. 45), а в другом письме в доказательство живописности окружающих мест привел начало своего стихотворения: «В Шуме, у подножья Саiana...» — иронически добавляя, однако, что «дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!» (стр. 40). Шушенское было тогда глухим, заброшенным в степи селом. Но в этом самом Шушенском Ленин не только завершил еще начатую в тюрьме книгу «Развитие капитализма в России», но и написал ряд других работ.

Ленинские письма периода ссылки наполнены остроумными шутками над различного рода затруднениями, создаваемыми ему царским правительством и полицией. Крайне затрудненный в своей переписке цензурным наблюдением, Ленин говорит об этом с легкой иронией: «Марка (М. Т. Елизарова) благодарю за письмо. Пусть он, однако, не за-

¹⁾ Все дальнейшие цитаты из Ленина приводятся по сборнику «Письма к родным», Соцгиз, 1931. В скобках указаны только страницы (В тех случаях, когда цитируется собрание сочинений, указывается том и страницы).

бывает о гоголевских «Иван Андреичах». Не знаю, какие там у вас в России прогрессы, а здесь-то, несомненно, они в полном цвету и интересуются не только тем, скачет ли штандарт и скачут ли барышни» (91). Здесь Ленин имеет в виду почтмейстера Ивана Кузьмича из гоголевского «Ревизора», читавшего чужие письма и однажды признавшегося: «вот недавно один поручик пишет приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» По поводу предстоявших длительных и тяжелых хлопот о разрешении на женитьбу Ленин шуточно писал матери: «Анюта (А. И. Ульянова-Елизарова) спрашивает — когда свадьба и даже кого «приглашаем?!» Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и «приглашай!» (91). Из всего содержания ленинских писем становится понятным изумление одной из простодушных обитательниц Шушенского, которая, как передавала Н. К. Крупская, говорила: «Пан Ульянов всегда весел» (111).

Ленин говорил: «Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохорится, ни впадает в отчаяние» (том XXII, стр. 377). Не только в своей политической борьбе, но и в повседневном быту Ленин обладал способностью моментальной ориентации, умел в любых условиях организовать свой труд. После ареста в 1896 году он блестяще организует в тюрьме свою научно-литературную работу, преодолевая такие труднейшие препятствия, как необходимость доставки большого количества книг. Впоследствии он писал М. И. Ульяновой, находившейся в тюрьме: «Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перерыва на чтение, с письма на гимнастику, серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работы, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами» (268). Любопытно, что именно труд отмечен здесь Лениным, как лучшее средство для создания и поддержания бодрого настроения. Не могла повлиять на работоспособность Ленина и тяжелая жизнь в эмиграции, с ее сутолокой, от которой, по словам Ленина, один из меньшевиков (А. Н. Потресов) впал «в черную меланхолию и моментальную прострацию» (письмо Ленина к Н. К. Крупской в сентябре 1900 года, т. XXVIII, стр. 107).

Колоссальная теоретическая работа и практическое руководство революционной борьбой не ослабляли живого интереса Ленина ко всем многообразным сторонам действительности. Он обладал тонким эстетическим восприятием природы. Он с восхищением писал в 1912 году о своих прогулках: «На днях ездил опять на велосипед в лес — все плодовые деревья в садах стоят в белом цвету «как молоком облитые», аромат чудесный, прелесть что за весна!» (378). Ленин хорошо знал все лучшее, что было создано человечеством в литературе и искусстве. Однако он часто предпочитал искусство народа, народные увеселения искусству профессиональному. В 1901 году он писал из Мюнхена: «На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей — процессии ряженых на улицах. Тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаеваемых в лицо, бумажные змейки, прочее и прочее. Умеют здесь публично, на улицах веселиться!» (262). А в другом письме он писал матери, что ходит «по разным народным вечерам и увеселениям» (9). В особенности же любил Ленин русскую культуру и русское искусство. Н. К. Крупская в одном из писем из Кракова сообщила, что не имея возможности получить русские книги,

Ленин «чуть не наизусть выучил Некрасова и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз.»

Горячая любовь Ленина к народу и его вера в неиссякаемую творческую мощь народа нашли выражение в оценке сущности национальной культуры. Ленин с презрением отвергал домыслы народнических и либерально-буржуазных интеллигентов о том, что существует какая-то «особая» примитивная народная культура, что для народа нужна специальная «популярная» литература. Прогрессивная культура каждой нации это и есть, по Ленину, подлинно народная культура. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал Ленин. — Есть великорусская культура Пушкинских, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» (том XVII, стр. 143). Отсюда ясно, что единственным источником развития культуры Ленин считал народ. После Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей народное творчество, Ленин с гордостью отмечал проявления народного героизма на фронте и в тылу, неустанно призывая к созданию всех условий для полного проявления народных талантов. В первые же дни революции он писал о том, что «во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управляя государством, будто ведая организационным строительством социалистического общества могут только так наз. «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»... «Талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник» (том XXII, стр. 162 — 163).

На пламенные, обращенные к массам ленинские призывы к участию в строительстве Союза Советских Социалистических Республик, к участию в управлении государством, народ ответил колоссальным взрывом энергии, чудесными образцами героизма, разгромом похода четырнадцати держав, производственными победами, субботниками, тесным сплочением вокруг своего вождя и большевистской партии. Непокоримая преданность долгу и стремление к борьбе до победного конца — эти качества революционного народа в высочайшей степени характеризуют героический образ Ленина. В воспоминаниях о последних днях жизни Владимира Ильича Крупская рассказывала: «За два дня до его смерти читала я ему вечером рассказ Джека Лондона — он и сейчас лежит на столе в его комнате — «Любовь к жизни». Сильная очень вещь. Через снежную пустыню, в которой нога человеческая не ступала, пробирается к пристани большой реки умирающий с голоду больной человек. Слабеют у него силы, он не идет а ползет, а рядом с ним ползет тоже умирающий от голода волк, идет между ними борьба человек — побеждает, — полумертвый, полубезумный добирается до цели. Ильичу рассказ этот понравился чрезвычайно» (Н. Крупская. Восп. о Ленине, вып. I, 1930). Мужественное достижение цели вопреки любым препятствиям, — вот что привлекло Ленину в рассказе американского писателя. Героическое в искусстве Ленин видел как отражение героики самой действительности. Свою жизнь он до последнего дыхания посвятил народу. Последняя статья Ленина — «Лучше меньше, да лучше», продиктованная уже в дни тяжелой болезни, — это не только деловые указания об улучшении государственного аппарата. Читая пронизанные строки о том, что человечество перешло к новой стадии развития — о неизбежности всемирного кризиса капитализма и о том, что «окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» (т. XXVII, стр. 417), мы вновь убеждаемся в ясности понимания Лениным перспектив будущего, которые для нас, современников великого Сталина, превратились в реальную действительность.

Б. МЕЙЛАХ.